

(1) Наконец настал первый экзамен по математике, а я всё был в каком-то странном тумане и не отдавал себе ясного отчёта в том, что меня ожидало. (2) По вечерам на меня находила мысль о том, что надо переменить что-то в своих убеждениях, что что-то в них не так и нехорошо, но утром, с солнечным светом, я снова был очень доволен собой и не желал никаких изменений.

(3) В таком расположении духа я приехал на первый экзамен. (4) Я хладнокровно смотрел на тех, кто подходил экзаменоваться, и даже позволял себе подтрунивать над некоторыми.

— (5) Ну что, Грап, — сказал я Иленьке, когда он возвращался от стола экзаменатора, — набрались страха?

— (6) Посмотрим, как вы, — сказал Иленька.

(7) Я презрительно улыбнулся на ответ Иленьки, несмотря на то, что сомнение, которое он выразил, на минуту заставило меня испугаться. (8) Но туман снова застлал это чувство, и я продолжал быть рассеян и равнодушен, так что даже обещался друзьям пойти перекусить в трактир тотчас после того, как меня проэкзаменуют. (9) Когда меня вызвали вместе с Икониним, я оправил фалды мундира и весьма хладнокровно подошёл к столу экзаменатора.

(10) Лёгкий мороз испуга пробежал у меня по спине только тогда, когда молодой профессор посмотрел мне прямо в лицо и я дотронулся до почтовой бумаги, на которой были написаны билеты. (И) Иконин, хотя взял билет с тем же раскачиваньем всем телом, с каким он это делал на предыдущих экзаменах, отвечал кое-что, хотя и очень плохо; я же взял другой билет и на другой ничего не ответил. (12) Профессор с сожалением посмотрел мне в лицо и тихим, но твёрдым голосом сказал:

— Вы не перейдёте на второй курс, господин Иртенёв. (13) Лучше не ходите экзаменоваться. (14) И вы тоже, господин Иконин, — добавил он.

(15) Иконин просил позволения переэкзаменоваться, как будто милостыни, но профессор отвечал ему, что он в два дня не успеет сделать того, чего не сделал в продолжение года. (16) Иконин снова жалобно, униженно умолял; но профессор снова отказал.

— (17) Можете идти, господа, — сказал он тем же негромким, но твёрдым голосом.

(18) Только тогда я решился отойти от стола, и мне стало стыдно за то, что я своим молчаливым присутствием как будто принимал участие в унижительных мольбах Иконина. (19) Не помню, как я прошёл залу мимо студентов, что отвечал на их вопросы, как вышел в сени и как добрался до дому. (20) Я был оскорблён, унижен, я был истинно несчастлив.

(21) Три дня я не выходил из комнаты, никого не видел, находил, как в детстве, наслаждение в слезах и плакал много. (22) Все тяжёлые, мучительные для самолюбия минуты в жизни одна за другой приходили мне в голову; я старался обвинить кого-нибудь в своём несчастии: думал, что кто-нибудь всё это сделал нарочно, роптал на профессоров, на товарищей, на отца; роптал на провидение, за то, что оно допустило меня дожить до такого позора.

(23) Папа был недоволен мною, но, видя моё страшное огорчение, утешал меня, говоря, что, как это ни скверно, ещё всё дело можно поправить, ежели я перейду на другой факультет. (24) В этом внимании близких людей я видел гордое, оскорбительное для меня снисхождение к человеку, упавшему уже слишком низко. (25) Дня через три я немного успокоился; но никуда не выходил из дома и, всё думая о своём горе, слонялся из комнаты в комнату, стараясь избегать всех домашних.

(26) Я думал, думал и, наконец, раз поздно вечером, сидя один внизу, вдруг вскочил, взбежал наверх,

достал тетрадь, на которой написано было: «Правила жизни», открыл её, и на меня нашла минута раскаяния и морального порыва.

(27)Я заплакал, но уже не слезами отчаяния. (28)Оправившись, я решился снова писать правила жизни и твёрдо был убеждён, что я уже никогда не буду делать ничего дурного, ни одной минуты не проведу праздно и никогда не изменю своим правилам.

(По Л. Н. Толстому)